

ИСТОРИЯ

УДК 94(47) "1804/12"

РИТОРИКА «МОРСКОГО БРАТСТВА» И ОБРАЗ Д.Н. СЕНЯВИНА В МЕМУАРАХ И ДНЕВНИКАХ УЧАСТНИКОВ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

© 2018 г.

М.В. Белов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

belov_mihail@mail.ru

Поступила в редакцию 01.11.2018

Корпус русской мемуаристики и дневников, посвященных средиземноморской экспедиции под командованием Д.Н. Сенявина, рассматривается в контексте социальных и идеологических сдвигов начала XIX века. С этой целью использована гипотеза А. Мартина о кризисе старой семейной модели в условиях инициированной государством модернизации. В результате выработывались на практике и репрезентировались в печати новые модели социальных связей. Одной из романтических версий новой общности стало «морское братство» – лейтмотив мемуарной прозы участников экспедиции. В свою очередь образ Сенявина рисовался по шаблону «добротного отца», внушающего авторитет мудростью и заботой. Последняя распространялась как на офицеров, так и на матросов, а также на славянское население Балканского полуострова, с которым вступили в контакт силы под его командованием. В результате «морское братство» стало преддверием для принятия идеи «славянского братства».

Ключевые слова: средиземноморская экспедиция под командованием Д.Н. Сенявина, русская мемуаристика, В.Б. Броневский, П.П. Свинын, П.И. Панафидин, Г.М. Мельников.

В известной монографии о русской мемуаристике А.Г. Тартаковский детально исследовал эпоху 1812 г. как событие памяти («место памяти» в терминах П. Нора) и методами статистического анализа показал доминирующее положение этого сегмента воспоминаний в общем объеме мемуарной прозы XIX века. В частности, он установил, что «...до 1815 г. включительно не появилось вообще ни одной публикации мемуаров о событиях начала XIX в., по эпохе же 1812 г. до 1815 г. вышло в свет уже 20 мемуарных публикаций – факт исключительного для нашей темы значения» [1, с. 149]. Конечно, следует учитывать и пропагандистскую функцию «горячей» мемуаристики 1812 г. в условиях продолжающихся заграничных походов.

На все последующие подсчеты Тартаковского оказывает воздействие уже временная локализация избранной им эпохи, которая «...объемлет собой не только Отечественную войну, но и весь цикл явлений военно-политической и общественной жизни периода войн с Наполеоном – от 1812 до 1815 г. включительно...» [1, с. 16]. Из этой узкой локализации выпадает предшествующий этап «наполеоновских войн» с участием России в составе 3-й и 4-й коалиций, а именно период с 1805 по 1807 г. Если где-то

до 1815 г. этот период действительно оставался спящим отрезком памяти о борьбе с Наполеоном, то уже после 1815 г. он был разбужен потоком актуальных откликов и присоединился к набирающей вес мемуарной продукции. Во всяком случае, указанный период рассматривался теперь как пролог «эпохи 1812 г.».

Так, во второй половине 1810-х гг. появляется целая серия мемуарных публикаций о средиземноморской экспедиции под предводительством вице-адмирала (затем адмирала) Д.Н. Сенявина, баталии которой пришлось на период между Аустерлицом и Тильзитом. Практически одновременно выходят в свет две объемные работы «Записки морского офицера» (1818–1819) В.Б. Броневского и «Воспоминания на флоте» (1818–1819; первые отрывки – в 1816 г.) П.П. Свинына. Содержательные совпадения двух сочинений вызвали взаимные обвинения в плагиате между Броневским и тогдашним издателем «Отечественных записок» Свиныным, который, очевидно, использовал рукопись первого при подготовке собственных мемуаров. Этот литературный скандал следует рассматривать как прецедент в утверждении представлений об авторском праве, а отчасти и как проявление «парадоксов литературности» в

процессе текстуализации путешествий [2, с. 68–71]. Таким образом, мы можем наблюдать острую конкуренцию двух мемуаристов в «открытии» страницы недавней военной истории. Впрочем, Броневскому, позднее издавшему еще ряд книг на ту же тему, удалось застолбить за собой роль главного мемуариста сенявинского похода. Позднее были составлены и/или опубликованы тексты других авторов – Н.М. Клемента, П.И. Панафидина, Г.М. Мельникова, Н. Коростовца. Какая-то часть свидетельств осталась в архивах. Дополнительным стимулом к появлению подобных текстов мог служить интерес публики к рассказам о дальних путешествиях, стимулированный русскими переводами отчетов зарубежных мореплавателей, например Джеймса Кука, и, особенно, имевшими мгновенный успех «Записками флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 г.» (1816) [3, с. 10–11].

Некоторые тексты представляют собой тот или иной вариант поденных записок (дружеских эпистолярных), возможно, правленных по возвращении на родину. Анализируя эти материалы, стоит сделать вывод, что риторика «морского братства» и образ отца-флотоводца Сенявина конструировались *post factum*, в обстановке, последовавшей за «эпохой 1812 г.», и затем воспроизводились по модели, предложенной Броневским и Свиныным¹. Более подробное рассмотрение подобной риторики и выявление ее функциональной значимости составляют цель данной статьи.

Для расширения контекста позволено обратиться к наблюдениям А. Мартина над трансформацией патриархального воображения в идеологическом творчестве начала XIX века, в частности в исканиях одного из ранних русских консерваторов С.Н. Глинки. Мартин, в свою очередь, отталкивается от исследований Л. Хант и Г. Вуда (выполненных соответственно на материале предреволюционной Франции и североамериканских колоний) о трансформации семейных отношений как матрицы социального переустройства старого порядка [5, 6]. «Долгое время в Европе считалось, что власть отца над его детьми должна быть столь же непререкаемой, как и абсолютная власть королей и знати, поскольку они также считались «отцами» своих подданных. Глубокие изменения в этих представлениях произошли в XVIII столетии, когда нарастающая критика отцовской опеки и надзора разрушила патриархальную идеологию, поддерживающую старый режим» [7, с. 85–86; см. также: 8].

Ответом на подрыв этой идеологии и было «братство» как один из ключевых девизов

Французской революции в обществе, потерявшем отца (король был казнен как «изменник нации»). В России это смещение к братству, конечно, не было столь радикальным. В консервативном мышлении Глинки власть «отца» (царя, помещика, командира) реставрировалась на переосмысленных «нравственных» началах. Поиск альтернативы «суровому отцу» мог иметь и квазилиберальную ноту, когда акцент делался на нетривиальных взаимоотношениях отца-командира с его подчиненными. Конечно, наиболее ярким примером такого рода в России является фигура А.В. Суворова, за ним – М.И. Кутузова. Эти примеры были использованы в отборе героев военной истории, и в частности, по-видимому, он повлиял на восприятие и отражение в мемуаристике фигуры Сенявина.

Но начнем с картин морской стихии, которые, что собственно неудивительно, буквально наводняют маринистскую прозу Броневского². Они, по-видимому, соответствовали уже сложившимся «романтическим» ожиданиям публики, жаждущей приключений, но при этом являлись исходным условием для этоса преодоления и сплочения в родственный коллектив моряков: «Прелестный берег Англии постепенно утопал в бездне; уже хребты волн равнялись с зелеными его холмами; наконец они скрылись, и мы, как осиротевшие (здесь и далее в цитатах, кроме специально оговоренных случаев, курсив мой. – М.Б.), остались посреди необозримого океана, окруженные сумрачным небом и шумящими волнами. Скорый переход от удовольствий к опасностям наполнял воображение печальными мыслями... с тоскою, с грустию неизъяснимою взирал я на грозное приуготовление бури и на ужасный мрак, который с небесной высоты сходил, спускался ниже и ниже, и видимый нами горизонт уменьшил в небольшой круг. Мелкий дождик принудил меня сойти в кают-компанию: она представляла собой гостиную, куда собралось общество согласных родных» [9, ч. 1, с. 67]³.

Поясняя такую привязанность, Броневский ссылается на общее воспитание офицеров в корпусе морских и артиллерийских офицеров, где, «...как в единой колыбели, через привычку и одинаковые нужды, с младенческих лет [они] связуются узами дружбы. На скользком пути жизни, на военном поприще, где зависть часто разрывает твердейшие связи, друзья-товарищи до глубокой старости пребывают верными» [9, ч. 1, с. 114–115]. О корпусной дружбе упоминает в самом конце своих «Записок» и Мельников [10, ч. 3, с. 707–708]. А в случае Панафидина обретенное братство было вовсе не фигуральным, а буквальным: по прибытии в Котор ему

суждено встретиться со своим младшим братом, недавним питомцем Корпуса, уже находившего там и служившего на корабле «Св. Петр» [11, с. 40–41]. Вторя морским офицерам, внешний наблюдатель и, возможно, эпигон Броневского, Свиньин отмечал: «Лишенные семейственных отношений, родственных пособий, товарищи [офицеры] в себе находят родных и протекторов. Подобно рыцарям, они готовы страдать и умереть один за другого; у них общий кошелек, общий труд, общая честь и слава, общие пользы и виды» [12, ч. 1, с. 147].

Впрочем, такой эффект не распространялся на простых матросов. И здесь на смену детским привязанностям и новообретенной дружбе приходит отеческая забота, в которой, порой, испытывают потребность и сами офицеры [9, ч. 1, с. 86–87; ч. 3, с. 39–40, 130–133]⁴. Квазисемейные отношения, в свою очередь, отчасти мотивируют самопожертвование в бою, удивительные примеры которого Броневский приводит на страницах книги. Когда лейтенант Скаловский в декабре 1806 г. повел свой бриг на прорыв цепи французских канонерских лодок в Хварском проливе, он призвал своих матросов, обращаясь к ним: «Ребята! <...> Если я буду убит, не сдавайтесь пока все не положите свои головы». Далее мемуарист сообщает, что в бою особенно отличились матросы Федоров и Афанасьев. Первый с простреленной ногой отказался идти к лекарю, а когда пуля пробилла ему левую руку, то он, перевязав рану платком, взял в правую саблю и готовился сразиться с французами, если бы они решились на abordage. Афанасьев, раненный картечью в ногу, тем не менее, не отходил от пушки, приговаривая удивленным товарищам: «Стыдно сидеть внизу, помните, что сказал Иван Семенович [Скаловский], не сдаваться, пока не положим своих голов, а у меня она, слава Богу, еще цела». После этих слов, пораженный щепой в голову, он упал без чувств. А 12-летний юнга чудом избежал ранения, когда с детской веселостью, не скрываясь от пуль, весь бой заряжал свою пушку [9, ч. 2, с. 230, 232–233]. Отчаянная отвага перед лицом смерти, – а морской бой, по характеристике Броневского, страшен вдвойне, поскольку воюющим угрожает не только враг, но и сама стихия [9, ч. 3, с. 66–67], – вот крайнее выражение братства: смертельная опасность уравнивает командира Скаловского с «ребятами-матросами» как их старшего брата. В конце концов, преданность русских матросов изумляет иностранцев, когда, уже оказавшись в плену, они отказываются поступить в чужую службу и демонстрируют чудеса послушания, скромности и бескорыстия [9, ч. 4, с. 169–173, 264–265].

Броневский дважды помещает в свои «Записки» описание трапезы с Сенявиным. В первом случае это было и их первое знакомство: «Прием его ласков и ободрителен, обхождение столь просто и благородно, что он так сказать вдруг дает доступ к своей славе. За столом Дмитрий Николаевич казался быть *окруженным собственным семейством*. Беседа его разнообразна и для всех приятна, каждый в ней участвовал, ибо он разговорами своими обращался к каждому, так что казалось, забывая себя, помнил только других, и я последний из гостей не остался без внимания. В нем виден был навык такого человека, который много видел, много читал и часто размышлял о пользах, слабостях, страстях и недостатках человеческого сердца. Когда кто из собеседников обращал разговор на прошедшие политические происшествия, он представлял свои мнения с такою скромностию, как бы они не были собственные его мысли, а того, с кем он говорил. Когда же разговор переходил к России, взор его оживлялся; все слушали его со вниманием, и, казалось, только в сем случае опасно было противоречить его мнению» [9, ч. 1, с. 325–326]. Портрет Сенявина, нарисованный Броневским, сочетает достоинство офицера с доступностью в общении, мудрость и скромность, мягкость обхождения и страстный патриотизм. Это и есть идеал «добротного отца», внушающего авторитет не внешней силой, а самой своей личностью. Именно этот образ стал центральным и в торжественном обращении морских офицеров, ожидающих возвращения на родину, переданном Сенявину в 1809 г. в английском Портсмуте, где эскадра оказалась в формальном плену⁵.

Во второй части «Записок» Броневского описывается военный пир после победы при Кастель-Ново⁶ над французским генералом Мармоном в сентябре 1806 г. (Сам Броневский, отправленный в это время с поручением главнокомандующего на Сицилию, не мог на нем присутствовать и, очевидно, пользовался в описании чужими рассказами.) Здесь единение с командиром распространилось на всех его подчиненных, а специально подготовленный сценарий вместил в себя горячее проявление чувств: «После молебна за дарованную Богом победу над превосходными неприятельскими силами войско стройными рядами прошло церемониальным маршем на площадь в крепость [Кастель-Ново]. Там ожидал храбрых солдат приготовленный попечительностию начальника сытный обед; каждый из них получил порцию водки и по бутылке виноградного вина. Посреди палаток, поставленных между столами, адмиральская отличалась поднятым на оной фла-

гом; перед нею поставлены были полковые пушки, а по сторонам оркестры музыки. К столу главнокомандующего приглашены были не по старшинству чинов: сей чести удостоились только офицеры, отличившиеся особенными подвигами или примерною храбростию. Здоровье егеря Ефимова⁷ объявлено из первых, при чем сделано было пять выстрелов, а товарищи его при восклицаниях «ура!» качали его на руках. Таким образом все приглашенные были удостоены особенной почести питья за их здоровье. Участники сего празднования не могли без умиления об оном рассказывать; все солдаты столь живо чувствовали сию необыкновенную честь, что усердные, искренние приветствия: *дай боже здравствовать отцу нашему начальнику!* (курсив Броневского. – М.Б.) произносились с восторгом непрерывно. <...> Адмирал отклонил от себя все особенные ему предложенные почести. Знать совершенно цену добрым начальникам и уметь быть им благодарным за все их попечения и внимание всегда было и будет коренною добродетелью русского солдата» [9, ч. 2, с. 246–248]. В этом рассказе обращает на себя внимание использование обычных воинских ритуалов с дозированным отступлением от них, временным нарушением иерархии и субординации во имя «чистого» героизма — личной храбрости и военной удачи.

«Морское братство» как ключевая метафора в моделировании милитарного социума у Броневского была способна к внешней экспансии, служа переходным звеном к еще только нарождающейся идеологии «братьев-славян». И все же столь прямо она здесь не была высказана. Автор «Записок» описывает восторженный прием, оказанный «москвитам» славянским населением Боки Которской и черногорцами [9, ч. 1, с. 165]⁸. На пасху 1806 г., по традиции праздника, верующие поздравляли друг друга с Воскресением Христовым, обнимались и целовались, поэтому можно было подумать, что русские и бокезцы — это один народ. Однако для Броневского такое единение символизировало прежде всего торжество веры [9, ч. 1, с. 165]. Русские и славяне в другом месте характеризуются как «друзья» [9, ч. 2, с. 31]. Со слов местных жителей, по вере и языку они являются «братьями» [9, ч. 2, с. 37]. Но это только косвенная речь, чужая оценка. О братских чувствах по отношению к русским говорят, например, черногорский митрополит Петр I Петрович-Негош и сплитский предводитель, «граф Ивелич», последний — на итальянском языке [9, ч. 1, с. 143–144; ч. 2, с. 36]⁹.

Невзирая на сделанные оговорки, Сенявин представлен у Броневского настоящим славян-

ским героем, который стал заботливым отцом и для местных христиан. С первым прибытием Сенявина в Котор ему был оказан восторженный прием, и «в трое суток Дмитрий Николаевич, можно сказать, очаровал народ. Доступность, ласковость, удивительное снисхождение восхищали каждого. Дом его был окружен толпами людей; черногорцы нарочно приходили с гор, чтобы удостоиться поцеловать полу его платья, приходящая всегда была полна ими, никому не запрещался вход; казалось, они забыли митрополита, и повеления Сенявина исполняли с ревностью, готовностью удивительною» [9, ч. 1, с. 174–175].

Репутация адмирала еще более укрепилась после того, как он затормозил эвакуацию подчиненных ему сил, в связи с враждебными действиями Австрии и переговорами о мире с Францией, которые вел сначала в Вене, а затем в Париже летом 1806 г. посланник Александра I П.Я. Урби. Многоопытный Сенявин мудро предвидел перемены в дипломатической погоде (действительно, этот договор не был ратифицирован русским императором) и верно истолковал осторожный тон полученных им инструкций [16, с. 57–73; ср.: 17]. В результате «благодарность и усердие бокезцев были беспримерны: вся область представляла военный лагерь и везде раздавалось: “да здравствует Сенявин!” Где бы он ни показался, многочисленные толпы с почтением сопровождали его; кланялись до земли и лобзали прах ног его. <...> Дмитрий Николаевич, в душе кроткий, отклонялся от почестей и от всех изъявлений любви и преданности к нему народной. Подчиненные его, на опыте познав личное его мужество, беспристрастную справедливость, не могли не удивляться благородной его решимости, и смею сказать, сия эпоха в жизни адмирала представляла истинное торжество гражданских и военных его добродетелей» [9, ч. 2, с. 49]. То же самое подтверждает и более сдержанный в проявлении восторга Панафидин [11, с. 44–45].

Закономерно, что Сенявин и его подчиненные после участия черногорцев в морской операции декабря 1806 г. (первой для горцев!) сразу же превратились в героев эпоса — свежесложенной песни, что «...передается потомству и соединяет, так сказать, имя русского с славянским» [9, ч. 2, с. 228].

Панегирическая стратегия, столь ярко выраженная у Броневского и Свиньина, а затем поддержанная их последователями, вообще-то не являлась единственной в оценке Сенявина. Генерал-майор В.В. Вяземский, возглавлявший осаду Дубровника в июне 1806 г., на страницах своего «журнала» изложил досужие сплетни о былой склонности адмирала к «буянству и

пуншу» и о «похищениях» в Херсоне. С точки зрения Вяземского, отнесшегося к ним со всей серьезностью, они указывали на легкомыслие и чрезмерное честолюбие адмирала, дополнительные доказательства которым автор черпал из личных обид [15, ф. 178, № 9850, л. 17об.–19; 18, с. 108–110]¹⁰. Любопытно, что негативная оценка Сенявина сочеталась у Вяземского со столь же негативной характеристикой черногорцев и опыта взаимодействия с ними [19, с. 54–64]. Ну и, разумеется, командир 13-го егерского полка был совершенно равнодушен к этике «морского братства» и сопряженным с ним сантиментам.

Сказанное не означает, что описанные мемуаристами братские чувства были ими *всего лишь* сконструированы, а доступность Сенявина и его заботы о матросах и офицерах – фальшивыми. Важно другое – эти мотивы стали ключевыми в выборе рассказчиков и оказались востребованными в дальнейшем. В отличие от других мотивов.

Вынужденное «сиротство» моряков, сплотившихся в новую общность, делало их привлекательной добычей романтического воображения. Они представлялись своего рода стерилизованной и лояльной Империи версией шиллеровских «братьев-разбойников». Неистовство стихий оказывалось созвучным политическим бурям, пронесшимся над Европой в эпоху Революции и Наполеона, и эти аллюзии присутствуют у Броневского: создание Ионической республики (1801 г.) после побед Суворова и Ушакова подается как усмирение хаоса [9, ч. 1, с. 117]. Тяжесть флотской службы (в описании корабельных походов, славных батальи или жестких потерь) стимулировала укрупнение братских чувств и сценически усиливала семейное единство перед лицом смертельной опасности. При этом «братство» как выражение новой идентичности, рождающейся в столкновении с современностью, оставалось открытым для новых поисков в духе «народности» или «славянства».

Фигура адмирала Сенявина вписывалась в новый пантеон героев Отечества, стяжающих славу не только великими победами, но и особой «душевностью», согревающей как офицеров, так и низшие чины. Сентиментальная реинтерпретация героизма и диверсификация символического отцовства были симптомами социальных перемен и грезами о более справедливом, хотя и неискоренимо патриархальном обществе. Именно такие ожидания проявились после «эпохи 1812 г.».

Примечания

1. Как показано в исследовании Е.А. Вишленковой, П.П. Свинын одновременно был одним из важ-

ных инициаторов, организаторов и творцов в конструировании визуальных образов Российской империи и народов ее населяющих, имея в виду прежде всего русское простонародье [4].

2. Вот один из первых образцов ее словесной живописи, представленный в «Записках»: «Бурная, мрачная ночь представляла великолепное зрелище: корабль, рассекая, и вместе с тем нисходя и восходя на валы, производил бегом своим струю и пену, обращенную в пыль. След, а паче близ руля, слался по хребтам волн рекою лавы, огненным змеем, который, извиваясь, казалось, гнался за кораблем. Вода издавала блеск, подобный золоту, корабль, по-видимому, плыл в растопленном металле. Под носом, где наиболее сопротивления, раздробленные грудью корабля валы, подобно пифонскому столбу, вздымаясь высоко, огненным дождем падают на палубу. Картина ужасная и вместе прекрасная! Морская вода, содержащая в себе множество селитренных, фосфорических и других частиц, от трения о борт корабля, как будто возгорается и темную ночь при скором ходе производит сие явление» [9, ч. 1, с. 28]. Другие яркие примеры подобных описаний: [9, ч. 1, с. 131, 133–135; ч. 3, с. 202].

3. Не случайно вскоре вслед за этой сценой следует героический портрет морских офицеров, которые, «...находясь большую и лучшую часть своей жизни, так сказать, в *челюстях смерти* (курсив Броневского. – М.Б.), принимают на себя тот пасмурный, угрюмый и молчаливый вид, по которому отличить их можно» [9, ч. 1, с. 69]. Взаимное сходство – это еще один атрибут их родства.

4. В крайнем случае, ужасы войны могли «примирить» и злейших противников: «Я спешил осмотреть поле сражения. Зрелище ужасное! <...> Тут враг лежал на враге, черногорец и француз лежали тихо как друзья» [9, ч. 2, с. 80].

5. «Как добрый отец семейства Вы имели о нас попечение, и мы не знали нужд, а заботу и труд почитали забавою... Вы своим примером и наставлением, ободряя за добро и умеренно наказуя за преступление, исправляли наши нравы и отогнали пороки, сопряженные с молодостью...» [10, ч. 3, с. 687]. Ср.: [11, с. 101–103; 12, ч. 3, с. 76–82].

6. Современный Херцег-Нови в Черногории.

7. Его история была рассказана у Броневского ранее: [9, ч. 2, с. 233–236].

8. Подробнее о взаимодействии вооруженных сил под командованием Сенявина и местных жителей см.: [10–14].

9. В свою очередь, по словам Панафидина, чьи мемуары редактировались после 1836 г. [11, с. 5] под влиянием второго издания «Записок» Броневского и «официальной народности», боксезы и черногорцы имеют с русскими общих предков – древних славян [11, с. 41]. Однако это не дает ему основания использовать объединяющий их термин «братья», а лишь объясняет желание местных жителей оказаться под покровительством российского императора. Мельников и вовсе пишет о «зверствах» черногорцев [10, ч. 1, с. 153–155, 173–176, 198], никак не высказывая к ним приязнь. Свинын использует ироническую тональность, чтобы отстранить себя и читателя от шокирующей жестокости тех же черногорцев и укло-

ниться от их прямого осуждения [12, ч. 1, с. 178–179, 180–182, 218–219]. Впрочем, существует все-таки одно исключение: автор «Морского журнала» (1806) И.И. Кожин, ссылаясь на близость языка, прямо охарактеризовал отношения русских моряков с далматинскими славянами как «дружество и братство» [15, ф. 344, оп. 3, к. 443, № 34, л. 6].

10. Во всяком случае, школа фаворитизма, пройденная Сенявиным под протекцией Потемкина, действительно оказалась в тени у мемуаристов и биографов адмирала.

Список литературы

1. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980.
2. Куприянов П. Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2005. № 1. С. 65–78.
3. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб.: Академический проект, 2004.
4. Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011.
5. Hunt L. The family Romance of the French Revolution. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1992. P. 17–52.
6. Wood G.S. The Radicalism of the American Revolution. New York: Alfred A. Knopf, 1992. P. 145–168.
7. Мартин А. «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» Сергея Николаевича Глинки (1808–1812 гг.) // Консерватизм в России и мире. В 3 ч. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. Ч. 1. С. 85–116.
8. Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997.
9. Броневский В. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. Второе издание. Ч. 1–4. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1836–1837.
10. Мельников Г.М. Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания его в Средиземном море с эскадрой под начальством вице-адмирала Сенявина состоявшей. Ч. 1–3. СПб.: Типография Морского министерства, 1872–1873.
11. Панафидин П.И. Письма морского офицера (1806–1809) / Предисловие и прим. Б.Л. Модзалевского. Пг.: Типография Морского министерства, 1916.
12. Свинын П.П. Воспоминания на флоте. Ч. 1–3. СПб.: Типография В. Плавильщикова, 1818–1819.
13. Тарле Е.В. Экспедиция Д.Н. Сенявина в Средиземное море // Собр. соч. Т. X. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 247–301.
14. Шапиро А.П. Адмирал Д.Н. Сенявин. М.: Военное изд-во, 1958. С. 114–171.
15. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 344.
16. Грачев В.П. Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М.: Инслав РАН, 2003.
17. Шапиро А.П. Которский вопрос в 1806 г. // Проблемы истории международных отношений. Л.: Наука, 1972. С. 193–206.
18. Давыдов Ю.В. Сенявин. М.: Молодая гвардия, 1972.
19. Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / Сост., предисловие, биографические справки, комм. и заключительная статья М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2018.
20. Бажова А.П. Россия и югославы в конце XVIII – начале XIX века. М.: ИРИ РАН, 1996.
21. Аншаков Ю.П. Русские и югославы на Адриатике в начале XIX в. (Из истории экспедиции Д.Н. Сенявина) // Славянский альманах. 1997. М., 1998. С. 77–104.

THE RHETORIC OF «THE BROTHERHOOD OF SEAMEN» AND THE IMAGE OF D.N. SENYAVIN IN THE MEMOIRS AND DIARIES OF THE MEDITERRANEAN EXPEDITION PARTICIPANTS IN THE EARLY 19TH CENTURY

M.V. Belov

The body of Russian memoir literature and diaries describing the Mediterranean expedition led by D.N. Senyavin is considered in the context of social and ideological changes of the early 19th century. For this purpose, we use A. Martin's hypothesis on the crisis of the old family model during the period of modernization initiated by the state. As a result, new models of social relations were developed in practice and presented in the literature. One of the romantic versions of the new community was «the brotherhood of seamen» which became the leitmotif of the expedition members' memoirs. In turn, the image of Senyavin was created according to the pattern of the «good father», who earned his authority by his wisdom and care. This pattern was extended both to officers and sailors as well as to the Slavic population of the Balkan Peninsula with whom the troops under his command made contact. As a result, «the brotherhood of seamen» became the prelude to the adoption of the idea of «Slavic brotherhood».

Keywords: Mediterranean expedition under D.N. Senyavin, Russian memoir literature, V.B. Bronevsky, P.P. Svinin, P.I. Panafidin, G.M. Melnikov.

References

1. Tartakovskij A.G. 1812 god i russkaya memuaristika. Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya. M.: Nauka, 1980.
2. Kupriyanov P. Russkoe zagranichnoe puteshestvie nachala XIX veka: paradoksy literaturnosti // Istorik i hudozhnik. 2005. № 1. S. 65–78.
3. Shyonle A. Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteshestvij. 1790–1840. SPb.: Akademicheskij proekt, 2004.
4. Vishlenkova E. Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu». M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
5. Hunt L. The family Romance of the French Revolution. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1992. P. 17–52.
6. Wood G.S. The Radicalism of the American Revolution. New York: Alfred A. Knopf, 1992. P. 145–168.
7. Martin A. «Patriarhal'naya» model' obshchestvennogo ustrojstva i problemy russkoj nacional'noj samobytnosti v «Russkom vestnike» Sergeya Nikolaevicha Glinki (1808–1812 gg.) // Konservativizm v Rossii i mire. V 3 ch. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2004. Ch. 1. S. 85–116.
8. Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997.
9. Bronevskij V. Zapiski morskogo oficera v prodolzhenii kampanii na Sredizemnom more pod nachal'stvom vice-admirala Dmitriya Nikolaevicha Senyavina ot 1805 po 1810 god. Vtoroe izdanie. Ch. 1–4. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1836–1837.
10. Mel'nikov G.M. Dnevnye morskije zapiski, vedenye na korable «Uriil» vo vremya plavaniya ego v Sredizemnom more s ehskadroyu pod nachal'stvom vice-admirala Senyavina sostoyavsheyu. Ch. 1–3. SPb.: Tipografiya Morskogo ministerstva, 1872–1873.
11. Panafidin P.I. Pis'ma morskogo oficera (1806–1809) / Predislovie i prim. B.L. Modzalevskogo. Pg.: Tipografiya Morskogo ministerstva, 1916.
12. Svin'in P.P. Vospominaniya na flote. Ch. 1–3. SPb.: Tipografiya V. Plavil'shchikova, 1818–1819.
13. Tarle E.V. Ehkspediciya D.N. Senyavina v Sredizemnoe more // Sobr. soch. T. X. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. S. 247–301.
14. Shapiro A.P. Admiral D.N. Senyavin. M.: Voennoe izd-vo, 1958. S. 114–171.
15. Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki. F. 344.
16. Grachev V.P. Serby i chernogorcy v bor'be za nacional'nuyu nezavisimost' i Rossiya (1805–1807 gg.). M.: Inslav RAN, 2003.
17. Shapiro A.P. Koterskij vopros v 1806 g. // Problemy istorii mezhdunarodnyh otnoshenij. L.: Nauka, 1972. S. 193–206.
18. Davydov Yu.V. Senyavin. M.: Molodaya gvardiya, 1972.
19. Otkrytie «brat'ev-slavyan»: russkie puteshestvenniki na Balkanah v pervoj polovine XIX veka / Sost., predislovie, biograficheskie spravki, komm. i zaklyuchitel'naya stat'ya M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2018.
20. Bazhova A.P. Rossiya i yugoslavyane v konce XVIII – nachale XIX veka. M.: IRI RAN, 1996.
21. Anshakov Yu.P. Russkie i yugoslavyane na Adriatike v nachale XIX v. (Iz istorii ehkspedicii D.N. Senyavina) // Slavyanskij al'manah. 1997. M., 1998. S. 77–104.